

ТРЕТИНЫ УБО ТВОРИМ...

I

В Синаксаре в субботу мясопустную можно прочитать такие удивительные слова. *«Третины убо творим, яко в третий день человек вида изменяется. Девятины, яко тогда все растичется здание, храниму сердцу единому. Четырдесятины же, яко и самое сердце тогда погибает. И рождения бо сице происходит: в третий бо день живописуется сердце, в девятый же составляется в плоть, в четырдесятый же в совершенный вид воображается. За сию вину душам память творим»*. В этих немногих словах даётся объяснение причин принятого Православной Церковью поминовения усопших в 3-й, 9-й и 40-й день от кончины. Почему же эти слова названы нами удивительными? Но давайте прежде уточним, что такое синаксарь.

Синаксарь это сборник (συναξίς – греч. «церковное собрание, сборник») кратких сказаний о праздниках и о святых, которые следовало читать за Богослужением, поскольку в них раскрывается подвиг святого или происхождение праздника. В современной Богослужебной практике синаксари не читаются, хотя их тексты помещены в Триодях, а также в книге, называемой Пролог. Составителем синаксарей Постной и Цветной Триодей является монах Никифор Каллист Ксанфопул († ок. 1350), которого часто отождествляют с его современником, святителем Каллистом I Святогорцем, патриархом Константинопольским, одним из писателей «Добротолюбия». Что ж, имея автором прочитанного текста Боговдохновенного святителя, тем охотнее примемся за его изучение.

Два недоумения встают перед нами по его прочтении. Зачем для поминовения души наблюдать за изменениями тела? И как святые отцы могли знать, что происходит в материнской утробе? Действительно, святые отцы могли знать, что происходит с телом человека в 9-й день после его смерти, а именно, что *«все растичется здание»*, и они, конечно, знали, что творится с ним в 40-й день от кончины (*«сердце тогда погибает»*), но как, скажите, как они могли узнать, что происходит с человеком в 3-й день его жизни после зачатия? Не имея ни рентгена, ни УЗИ, ни другого подобного оборудования, как могли они узнать, когда у зародившегося в материнском чреве человека образовывалось сердце? Уму это непостижимо. И вот, кипит наш разум возмущённый...

Признаюсь, я засомневался. Хотя и говорил, и убеждал себя, что не нужны мне никакие медицинские сайты, и что, если я открою интернет, то не для того, чтобы медициной проверить отцов, но чтобы отцами проверить медицину. Не алгеброй гармонию, но гармонией алгебру... Говорил себе и то, что, если показания медицины вдруг вступят в противоречие со свидетельством святых отцов, то я откажусь верить медицине и признаю правоту за отцами, и т.д. и т.п. Однако сомнения тяготили. И потом, думалось мне, зачем рассматривать тело, молясь о душе? Неужели только потому, что *«сердце тогда погибает»*, мы становимся на молитву об усопшем в 40-й день? Но это значит, что мы поминаем тело, а не душу?..

Ну, так что? Открываем интернет, читатель? Будем искать подтверждение Боговдохновенным словам в этом море неправд и нечистот? Будем утолять жажду познаний солёной водой этого мутного информационного источника? Будем брать в судьи над святоотеческими писаниями науку? О времена, о нравы... Или не будем ничего делать? Не

будем печатать в строке поисковика неудобопроизносимые слова «зародыш», «эмбрион», «половое размножение»? Положимся на чистое и святое слово отцов? Поверим им на слово! Но тогда нам скажут: а-а, напугались церковники, света не взлюбили, во тьме сидят, и другим просвещаться не дают. Не хотят говорить о жизни, как она есть, всё сказки выдумывают.

Упрёк как будто справедливый. Действительно, чем дальше, тем больше жизнь и Церковь расходятся. Если 100 лет назад человек рождался в воцерковлённой семье, с пеленок приобщался Христовых Таин, ходил в храм, молился, то что сегодня он видит дома, в гостях, в школе, на улице? Телевизор, телефон, интернет. И если он никогда не был в храме, то можно представить, каким чужим и странным является для него всё церковное. С известного ленинского декрета Церковь стала жить сама по себе, а жизнь сама по себе. Но это не Церковь отделила себя от жизни, это жизнь, отделив себя от Церкви, стала смертью.

Почему мы решили, что в синаксаре не достаточно сказано о том, что нам нужно знать о начале и конце наших тел? Какие ещё научные доказательства нам нужны? Каких ещё анализов, снимков, рентгенограмм нам хочется? В этих пяти предложениях сказано так много, что, дай Бог сил, вместить сказанное. Для жизни более знать ничего не нужно. Именно для жизни, потому что всё остальное, что будет сейчас сказано вокруг этого предмета помимо синаксаря, будет сказано для любопытства, т.е. для того только, чтобы не молиться.

Так, значит, мы всё-таки будем разбирать синаксарь с помощью медицины? Всё-таки полезем в интернет? Ну, а куда деваться, читатель? Открытое уже не закроешь, даже крепко заколотив. Разбитое целым не сделаешь, даже хорошо склеив. Падшая человеческая природа всё глубже падает во грех. Только не нужно Церкви падать вместе с ней. Бог силен сделать человека целым, но при условии, если человек сам будет тянуться к Богу. Однако непоправимая беда нашего времени в том, что человек в Церкви безбоязненно опускает уровень спасительной высоты. Что ж, себя он, конечно, обманет, думая, что с небольшим усилием перешагнув через опущенную им планку, он спасётся, но позволительно ли играть с Богом?

Говорить о жизненной правде можно по-разному. Можно по-русски, а можно по-церковнославянски, можно по-английски, а можно по латыни. Какой разговор будет правдивее? Тот, который понятнее? Нет. Правдивее будет тот разговор, который духовно выше. Ведь и в уличной подворотне можно узнать всё то, о чём мы только что прочли в Синаксаре, а можно и в интернете. Можно в институтской аудитории, а можно и в семейном кругу. Будет ли разница в разговорах? Информационной разницы не будет никакой, зато обязательно возникнет другая разница – духовная. Что же делает духовно разными одинаковые по сути сведения? Язык. Именно он, язык разговора возносит на высоту или низвергает в мерзость наше общение и наши новости. Итак, если вы ещё не расхотели, читатель, проверить сказанное святыми отцами, извольте, проверим.

II

«Зародыш (синоним эмбрион) – организм, развивающийся внутри яйцевых оболочек или в теле матери. Под зародышевым, или эмбриональным развитием у человека понимается ранний период развития организма (до 8 недель), в течение которого из оплодотворенной яйцеклетки образуется тело, обладающее основными морфологическими признаками человека. После 8 недель развивающийся организм человека называют плодом. Эмбриональное развитие делят на ряд периодов.

1. Период одноклеточного зародыша, или зиготы, кратковременный, протекающий с момента оплодотворения до начала дробления яйца.

2. Период дробления. В этот период происходит размножение клеток. Получившиеся при дроблении клетки называют бластомерами. Вначале образуется кучка бластомеров, напоминающая по форме ягоду малины, – морула, затем шаровидная однослойная бластула; стенка бластулы – бластодерма, полость – бластоцеле.

У человека оплодотворение происходит в маточной трубе (яйцевод). Процесс дробления совершается в течение 3-4 суток, когда зародыш продвигается по маточной трубе к матке». (<http://www.medical-enc.ru/8/zarodysh.shtml>).

Мы прочли помещённое в медицинской энциклопедии описание первых дней жизни человека. Как ваши уши, читатель? Не покоробились от подробностей? Анатомические описания если и режут слух, то лишь поначалу, потом привыкаешь. Зато мы стремительно приближаемся к истине, не так ли? Теперь мы знаем, что самое начало человеческой жизни медицина разбивает на два периода: зародыша и дробления. И вот что ещё полезно нам знать (или повторить для тех, кто знает), что слово «период» в буквальном переводе с греческого означает «путь по окружности».

«Ну и зачем нам это знать? - спросят меня читатели. - Вот о том, что человек проходит два периода в начале своего внутриутробного развития, знать необходимо. А зачем нам знать, как переводится слово «период»? По окружности это путь или по радиусу – какая разница?

Спешу с ответом, дорогие. Мне кажется, что языковедческие познания для нас не менее полезны, чем медицинские, если не более. Языком мы пользуемся как инструментом, и чем острее, прочнее, разнообразнее инструмент, тем качественнее добываемые нами знания. Точно так, как в хирургии. Чем острее скальпель, тем тоньше разрез, чем чище вата, тем меньше опасность заражения.

Под разнообразием инструментов нужно разуметь словарный запас языка: чем больше в нём слов – тем больше инструментов, но что такое острые слова? Это слова, отточенные шуткой, остротой, язвительностью? Нет, такое острословие годится для эстрадных артистов, т.е. для тех, кто любит себя в языке, а не язык в себе. Великим русским острословом был и остаётся А.С. Шишков. Всю свою жизнь он отдал русскому языку и затачивал его слова тем, что открывал их корни, потому что лезвие слова это – его корень.

Остроумное слово это слово, употреблённое в согласии со своим корнем. Подлинно остроумная беседа углубляет понимание словесных корней, и тем самым даёт возможность лучше понять предметы, о которых идёт речь. Самая остроумная русская книга – Псалтирь в церковнославянском переводе. В ней можно найти ответы на все жизненные вопросы, потому что они даются самим словом. Как понять это предложение? Так и понять, что Псалтирь не с помощью слов нам объясняет нечто, но через слово действует на нас.

Что мы делаем, когда хотим что-то объяснить? Мы начинаем излагать с помощью слов то-то и то-то. В Псалтири же самое слово объясняет себя, и через это объяснение раскрывается существо вопроса, о котором размышляет читающий. Удивительная книга! Но разве русский перевод Псалтири не даёт таких же объяснений? Конечно, не даёт, потому что русский язык гораздо хуже понимает себя, чем церковнославянский себя. Церковнославянский язык – целен, вот как можно кратко отличить его от русского языка, который утратил целомудрие мышления, далеко ушёл от своих корней и сильно расстроил память о своих началах.

«Мало того, что незнание начал языка, то есть коренной мысли, руководствующей в производстве слов, заводит нас в погрешности; оно же самое ещё и препятствует нам

распространять и устанавливать язык свой сообразно его свойствам». Пример тому выражение «*мерцание рассветающего дня*, где слово *мерцание* принято за некое слабое поутру сияние света; но согласно ли это с разумом языка? *Мерцание* происходит от слова *мрак*, и есть то же, что *смеркание*, постепенное уменьшение света или увеличение мрака, темноты: *мерькну*, *мерцаю*, *смерькаюсь*. Каким же образом постепенное уменьшение света может быть при рассветании дня?»

В этой выдержке из трудов патриарха отечественной словесности А.С. Шишкова приведён пример неостроумного словоупотребления, где корень слова и значение, которое оно (слово) призвано передать, противоречат друг другу. А если число таких словоупотреблений в языке будет измеряться не единицами, но сотнями и тысячами, как мы назовём такой язык? Так же, как называли словоупотребление – тупым, слепым и бессмысленным.

Поскольку корни заимствованных слов нами, как правило, не понимаются, то все такие слова должны быть названы неостроумными. Сказанное не значит, что мы должны исключать иностранные слова из русской речи. Вовсе нет. Мы должны использовать в русском языке всё лексическое богатство мира, все те слова, что Бог дал народам, но использовать их нужно разумно, к чему нас призывает Александр Семёнович. Как мудрые домоправители, мы должны знать, на какое место какое слово ставить. На ключевые посты, отвечающие за работоспособность языка, его управление и производительность, мы должны ставить свои родные слова, а на подсобные, служебно-информационные работы – слова пришлые.

Как хирург медицинским инструментом раскрывает внутренние части тела, чтобы видеть причины заболеваний, так мы словами стараемся добраться до сути произносимого. Поэтому от состояния словесного инструмента, насколько он остр, крепок, чист, и от того, насколько сообразно назначению мы его используем (т.е. не пользуемся ли скальпелем как пинцетом), зависит успех наших словесных операций. Действительно, мы тогда скорее и яснее выражаем мысли, когда понимаем слова до глубины корней. Стало быть, не зря мы сказали, что знать значение слова «период» для нас не менее (если не более) важно, чем знать то, что происходило с нами в материнской утробе. И зная, что «период» по-гречески значит «путь по окружности», мы уже иначе видим картину, которую рисует нам медицинская энциклопедия.

Два круга очерчивает человек в первых 3-4 дня своей жизни. Два круга... Как всё-таки меняется наша речь, когда мы говорим по-русски, а не по-гречески. Как торжественно и в то же время скорбно она зазвучала. Торжественно от того, что мы можем поздравить человека с первыми прожитыми кругами, а скорбно от того, что после советского круга русской истории слово «круг» не может не вызвать тюремных воспоминаний... Сколько ещё кругов предстоит проделать этому, только что возникшему человеку? Сколько Бог даст, столько и проделает, но два первых круга им уже прожиты.

Первый круг краток, как вспышка. Он настолько мал, что медики называют его «кратковременным». Сущим безумием являются человеческие попытки проникнуть в этот круг. Но так хочется знать, что было в начале. В начале жизни, в начале смерти, в начале мира... Что там было? В начале было – начало. *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт.1:1). Это первое предложение Священного Писания можно назвать исчерпывающим объяснением всех начал. Почему? Потому что потому, оканчивается на «у». То же самое можно сказать и про начало. С чего оно началось? С начала. С краткого, как миг, и долгого, как вечность, начала. Кажется, я сказал глупость? Нет, всё верно. Миг равен вечности, а вечность – мигу хотя бы потому, что ни того, ни другого нельзя измерить. Итак, если в первом жизненном круге-миге человеку даётся вечность, то во втором круге у него образовывается сердце.

III

«Сердце? Откуда вы взяли сердце? – спросит нас читатель. - В медицинской энциклопедии ничего не сказано про сердце. Перечитайте, как там говорится про оплодотворение, зиготу, размножение клеток, кучку бластомеров, напоминающих по форме ягоду малины, про...»

Стойте, читатель! Вот же оно, в виде малиновой ягоды. Не пропустите, не выбросите, не проткните это крохотное человеческое сердечко. Самого человека как такового ещё не видно, но уже бьётся его сердце, названное медиками морулой. Интересно, почему они его так назвали? Смотрим латинско-русский словарь. *Mogulus*, а, um – тёмный, черный. *Mogum* (греч.) – тутовая ягода, ежевика. Видимо, внешне сходство с этими ягодами и навело медиков на мысль назвать сердце морулой.

В этой тёмной яголке заключён весь человек. Тела его пока не видно, но оно всё, вплоть до мельчайших своих подробностей, хранится в ней. Вы этому не верите, читатель? Каким бы примером вас убедить? Души человека мы тоже не видим, но говорим, что она находится в теле. Так же и здесь. Тела пока не видно, но в определённый Богом час оно, развившись из этой ягоды, появится на свет, чтобы и далее всю свою жизнь раскрываться и расти, укрепляться и мужать, цвести и плодоносить, болеть и страдать, стареть и умирать. Даже старческую немощь тела нужно назвать необходимым этапом его роста. *Темже не стужаем си: но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2Кор.4:16). И даже в могиле тело продолжает жить и ждать следующего, имеющего совершиться над ним таинства – смерти сердца. Потому и укрывается оно от любопытных взоров в начальные и конечные часы своего бытия, что всё совершаемое с сердцем в эти сроки является таинством. При создании сердце покрывается тьмой материнского чрева, при разложении – тьмой могильного рва. Здесь чревом, там червём, но здесь, и там – тайна, в которую мы если и дерзаем вслед за медиками проникать, то не потому, что Бог нам это благословил, но потому что Он попустил нам это делать: медикам исследовать, а нам говорить. Мы в другой раз, даст Бог, скажем о разнице поступков, совершаемых по благословию и по поущению Божию, а пока продолжим разговор о сердце.

Оно начинает жить задолго до появления тела и продолжает жить по смерти его. Вас не удивляет это утверждение, читатель? Удивляет оно и нас, но мы говорим так, как читаем у отцов: сердце погибает в 40-й день после смерти тела. Значит, оно живёт в могиле? Значит, живёт. Что же оно там делает? А что оно делало в утробе? То же самое оно делает и в могиле. Сердце трудится. И если в утробе оно трудилось над устройением тела, то в могиле оно трудится над устройением души. Новопреставленная душа должна определиться, а для этого ей надо пройти многие обители. *В дому Отца Моего обителей много.* (Ин.14:2). Какая из них приглянется? Где душа захочет жить?

«В какую определяют, та и приглянется, - наверно скажете вы. - Там никуда не денешься: где поселят, там и заживёшь. Всякая душа хотела бы в рай, но не всякую душу туда пустят».

Я с вами не согласен, читатель. Не всякая душа хочет в рай. Иной душе лучше в аду, чем в раю. Представьте себе, что в рай попадает картёжник, а там карт нет. И такая невыносимая для этой души тоска начнётся, что она сама попросится из рая куда угодно, хоть на дно адово, лишь бы только там были карточный стол и сигаретный дым. Такую душу в рай силком не затащишь, а вы говорите... Нет, далеко не всякая душа хочет рая.

Автор публикации Виктору, Артемию, Арсению.

Виноват и прошу прощения за то, что неясно выразил свою мысль. В своё оправдание хочу сказать следующее. Слова о том, что «рай это исполнение единственного желания – жить по воле Божией», и что «исполнение всех других желаний совершится в аду. Кто, чего хочет, тот того и получит именно там, в аду. Картёжник – карты. Чревоугодник – еду. Пьяница – пьянку. Блудник – блудниц. Скряга – золото. Телезритель – телеэкран...» Эти слова писались не сами по себе, но ради следующего за ними абзаца, **который редакторы сайта Благодатный Огонь опустили при публикации.** Вот этот абзац.

«Удивительно, как можно было назвать коммунизм земным раем? Сравнить коммунизм с раем могли только духовные слепцы, которые не понимали, что коммунистический лозунг «каждому по потребностям» есть в действительности лозунг ада, а не рая. Коммунизм это – земной ад. Его строили и продолжают строить те, кто хочет жить по-своему, а не по-Божьему».

Первый абзац, оторванный от второго, воспринимается уже иначе, а именно, будто писался он ради предложения, что «исполнение всех других желаний совершится в аду». Но это не так. Писался он ради упоминаемых во втором абзаце коммунизма и его лозунга, будь они неладны.

Впрочем, я сам вижу неудовлетворительность этого оправдания. Поэтому попытаюсь сейчас подробнее объяснить появление в своём тексте предложения о том, что «исполнение всех других желаний совершится в аду».

Пиша это предложение, я хотел сказать, что рай это не исполнение желаний. Напротив, рай это отвержение своих желаний, доходящее даже до отвержения самого себя. Но тогда выходит, что рай это мучение? Но ведь и ад мучение? Что же? И рай, и ад одинаково мучительны? Какая же между ними разница?

Намерения сердечные – вот что полагает разницу между раем и адом. С какой целью человек воздерживался от грехов при жизни? Чтобы «оторваться», «оттянуться» после смерти? Дескать, я как мог, сдерживал себя на земле, значит, могу заслуженно расслабиться на небе? И если с этой целью подвизается христианин, то что он себе готовит? Рай? Я сомневаюсь, что рай. Сомневаюсь, что Божий рай будет раем для того, кто старался жить добродетельно не ради Бога, но ради своего успокоения. Такой человек будет мучиться в раю, потому что там Господь Бог, а он стремился не к Господу, но к покою и к удовлетворению своих желаний.

Не рай как таковой, как мечта наслаждений и не ада как такового, как мечта мучения не существует! Что же существует

Тогда рай станет для него адом? Но за что его мучить? Он же не грешил.

Рай и ад начинаются в сердце, в намерениях, в расположении

И суд будет совершаться по сердцу, а не по делам. Только Господь может судить такой **СЕРДЕЧНЫЙ** суд.

Если бы наркоман

Где же выход из этих рассуждений? из тупика этих рассуждений?

Нет сомнений в том, что на душе грешника тоскливо и пакостно после совершённого греха, особенно после грехов противоестественных, к которым можно отнести и наркоманию.

Почему же он не останавливается? Почему продолжает грешить? И во второй и в третий раз делает то, после чего ему сперва было хорошо, а потом плохо? Нет сил остановиться?

чтобы избежать ада?

Если с этой мыслью

Люди Боялись Бога

Сейчас понимание Бога ушло из сердца и сердечный страх ушёл из людских сердец.

, человек мучается, «адствует» душой.

всякого совершенного им греха.

тем более полсе грехов противое

И напротив, удовлетворяя страсти тела, тем более страсти противоестественные, такие как курение, пьянство, наркомания, человек мучается, «адствует» душой.

то

для того будет раем

Потому что трудился он не ради Господа, а ради своего успокоения.

Судя по внешней стороне, такой человек достоин рая, п.ч. не грешил старался жить добродетельно и т.д. Но а судя по сердце ради чего он всё это делал? Ради Господа?

Или чтобы изубжать рая участи грешников и достичь блаженства не небе в раю?

Но ведь он подвизался не ради Господа (вот это самое и будет судить Господь, смотря на сердце, а не на дела, и только Он один может такой суд совершить), а ради своего успокоения.

За что же ад, если

он готовит себе не рай, но ад.

В котором его никто не будет мучить – он же подвизался, он же трудился он же страляся но не ради Господа ! а ради самого себя.

За что его мучить?

, чтобы отовратиться вознаграждать себя после смерти, то это и есть коммунизм.

по смерти меня ждёт заслуженная «расслабуха»?

теперь могу и расслабиться? Если

Но это и есть дорогоа в ад, сердечная

чтобы не попасть в ад.

при жизни и
теперь достоин
получишь вечное блаженство по смерти.

И ли не воздерживался при жизни?

Если с целью, чтобы отовратиться вознаградить себя после смерти, то это и есть коммунизм.

Нет, исполнение желаний. Нет, воздержание учит подчинению, обузданию себя.

Обуздывать же себя с мыслью о том, что потом в раю оторвусь и все свои желания исполню – такой же бред, как
с такой мыслью ограничивать себя это значит

и невоздержание учит

Мучаясь телом, понуждая тело, трудясь телом, человек радуется, блаженствует «райствует» душой. И напротив, удовлетворяя страсти тела, тем более страсти противоестественные, такие как курение, пьянство, наркомания, человек мучается, «адствует» душой. Нет сомнений в том, что на душе грешника тоскливо и пакостно после всякого совершённого им греха. Почему же он не останавливается? Почему продолжает грешить?

В рай при жизни, и ад начинаются при жизни.

, тем более после греха грубого.

Мучаясь, адствуя, душой, человек удовлетворяет страсти тела, тешит плоть.

Но вновь повторяет совершает его?

Что тянет? Привычка?

Не будет возможности утолить страсть,

Мучаясь телом, понуждая тело, трудясь, человек радуется, райствует, блаженствует духом

Наркоман.

Если он не остановится и не вырвется

Телезритель если не остановится...

Я полагаю, что и защиту хотящим спастись и помощь Господь посылают соответствующую усиленную

Иначе \, т.е. в противном случае, т.е. если бы силы напрокмана превышали пресиливали его волю, осподь бы

Всякое существование Божьего мира обесмысливалось. Значит, диавол превозмог своей силой благодать Божью.

не сочли во

После этих слов автору заметили, что

Простите, но это очень похоже на учение профессора Осипова. По этим словам любой душе будет рай, если она сама выбирает, где ей хорошо.

Моя вина, что неясно выразил мысль.

Иннокентий 13/06/2012 в 21:10:08

1. Откуда у Вас взялась такая информация об аде? У кого из Святых Отцов Вы это прочитали? Если это Ваше личное предположение, то Вы, дорогой батюшка, вступили на очень опасный путь чреватый погибелью.

2. //Чем же в таком случае, загробный ад будет отличаться от ада прижизненного, земного? Тем, что там грешник не сможет удовлетворить своего страстного желания?... исполнение всех других желаний совершится в аду, несколько не расходится со словами святителя Феофана Затворника//

Расходится и расходится диаметрально противоположно. Святитель пишет:

"Страсти это не какие-либо легкие помышления или пожелания, которые являются и потом исчезают, не оставляя по себе следа; это сильные стремления, внутреннейшие настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души и долгим властвованием над нами и привычным удовлетворением их до такой степени сродняются с нею, что составляют, наконец, как бы ее природу. Их не выбросишь так легко, как легко выбрасывается сор или сметается пыль. Но так как они не естественны душе, а входят в нее по грехолюбию нашему, то, по причине этой самой неестественности своей, и будут томить и жечь душу. Это все то же, как если бы кто принял яд. Яд этот жжет и терзает тело, потому что противен устройству его; или, как если бы кто посадил змею в себя, и она, оставаясь живою, грызла бы его внутренности. Так и страсти, как яд и змея, принятые внутрь, будут грызть и терзать ее. И рада была бы она выбросить их из себя, да не сможет, потому что они сроднились, срослись с нею, а спасительных средств исцеления, предлагаемых здесь Святою Церковью в покаянии и исповеди, тогда (после смерти) не будет. Ну, и мучься, и терзайся ими непрестанно и нестерпимо, нося внутри себя адский огонь, вечно палящий и никогда не угасающий. Употребим еще сравнение. В числе пыток были и такие: накормят чем-либо соленым, да и запрут, не давая пить. Какое мучительное терзание испытывал такой несчастный! Но кто же жжет и мучит его? Совне никто. Он в самом себе носит мучительное жжение: нечем утолить жажду — жажда и снedaет его. Так и страсти: это ведь внутренние жаждания, разжигания, вожделения души грехолюбивой; удовлетворишь их — они замолчат на время, а потом опять, еще с большею силою требуют себе удовлетворения и не дают покоя, пока не получают его. На том же свете нечем будет удовлетворять их, потому что все предметы страстей — предметы земные. Сами они останутся в душе и будут требовать себе удовлетворения, а так как удовлетворить их нечем, то жажда будет все сильнее и

томительней. И чем более будет жить душа, тем более будет томиться и терзаться неудовлетворяемыми страстями; непрекращаемая мука эта все будет расти и расти, и конца не будет этому возрастанию и усилению. Вот и ад! Зависть — червь, гнев и ярость — огонь, ненависть — скрежет зубов, похоть — тьма кромешная. Этот ад начинается еще здесь, ибо кто из людей страстных наслаждается покоем? Только страсти не всю свою мучительность обнаруживают здесь над душой: тело и общежитие отводят удары их, а там этого не будет. Они со всею яростию нападут тогда на душу. "Наконец, в теле сем, — говорит авва Дорофей, — душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: человек ест, пьет, спит, беседует, ходит с любезными друзьями своими, а когда душа выйдет из тела, она останется одна с своими страстями и потому всегда мучится ими. Как страдающий горячкою страдает от внутреннего огня, так и страстная душа всегда будет мучиться, бедная, своим злым навыком. Потому-то, — заключает преподобный, — я и говорю вам всегда: старайтесь возделывать добрые в себе расположения, чтобы найти их там, ибо, что человек имеет здесь, то исходит с ним отсюда, и то же будет иметь он там".

3. *"Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир"* - сказал Спаситель о Своем Первом пришествии, о Втором же напротив: *"Не убийтесь от убивающих тело, души же немогущих убить, убийтесь же паче Могущаго и душу и тело погубити в геенне"*.

4. //как любовь Божия безгранична, так и свобода человека безгранична//

Жесткое уклонение от Православия в сторону восточных верований - знак равенства между Богом и человеком. Прежде чем будете мне отвечать, прошу Вас, ОСНОВАТЕЛЬНО разобраться в этом вопросе.

5. //любовь Бога (к твари) не только допускает адские мучения человека, но неизбежно приводит к ним//

Нет слов! И вот ЭТУ позицию Вы собираетесь отстаивать?! Побойтесь Бога, дорогой батюшка, и прочтите вот эти две статьи: 1-ая:

<http://apologet.spb.ru/ru/%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B5/20-%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9-%D0%BA-%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%BC-%D0%B0-%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0/106-raj-i-ad>

2-ая:

<http://www.blagogon.ru/digest/223/>

При полном неприятии отстаиваемых Вами позиций ("в аду все желания сбудутся"), мы благодарны Вам за то, что Вы хотя бы перестали отстаивать учение о том, что "Никто никого не будет гнать и заставляя", ибо сказано: *"Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?"* (Мф. 7, 22). *"Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?"* (Мф. 25, 44). *"Мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты"* (Лк. 13, 26). *"Господи! Господи! отвори нам. Но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную"* (Мф. 25, 46).

Аминь.

Автор публикации 11/05/2012 в 10:35:26

Виктору, Артемию, Арсению

Если словами о том, что «исполнение всех других желаний совершится в аду», я дал повод уважаемым читателям сайта Благодатный Огонь думать о том, что отрицаю вечные мучения, и тем самым ввёл их в искушение, то прошу прощения. Я вовсе не отрицаю вечных мук после смерти. Я просто неясно выразился, и в своё оправдание хочу сказать следующее.

Слова о том, что «рай это исполнение единственного желания – жить по воле Божией», и что «исполнение всех других желаний совершится в аду. Кто, чего хочет, тот того и получит именно там, в аду. Картёжник – карты. Чревоугодник – еду. Пьяница – пьянку. Блудник – блудниц. Скряга – золото. Телезритель – телеэкран...» Эти слова писались не сами по себе, но ради следующего за ними абзаца, который редакция сайта Благодатный Огонь опустила при публикации. Вот этот абзац.

«Удивительно, как можно было назвать коммунизм земным раем? Сравнить коммунизм с раем могли только духовные слепцы, которые не понимали, что коммунистический лозунг «каждому по потребностям» есть в действительности лозунг ада, а не рая. Коммунизм это – земной ад. Его строили и продолжают строить те, кто хочет жить по-своему, а не по-Божьему».

Оторванный от абзаца про коммунизм, абзац про ад стал восприниматься иначе, а именно, как самодостаточное речение, противоречащее учению Церкви. Тогда как в соединении с упоминаемым во втором абзаце коммунизмом (будь он неладен), у слов «исполнение всех других желаний совершится в аду» возникает иной контекст и иной смысл – иронический. Впрочем, я вижу неудовлетворительность этого оправдания. Поэтому попытаюсь сейчас подробнее объяснить, какой смысл я вкладываю в слова «исполнение всех других желаний совершится в аду».

Пиша это предложение, я хотел сказать, что рай это не исполнение желаний. Напротив, рай это отвержение своих желаний, доходящее даже до отвержения себя. Но тогда выходит, что рай это мучение? Выходит так. Но ведь и ад мучение? Что же? И рай, и ад одинаково мучительны? Какая же между ними разница?

Зайдём к этому вопросу с другой стороны. Каждый из нас на себе испытывал, что исполнение греховного желания оборачивается мучением. Человеку кажется, что неудовлетворение пожелания мучает его, тогда как на самом деле мучением становится удовлетворение этого желания. Мне кажется, что Господь потому и попускает совершиться греху, чтобы после его совершения человек мог на собственном опыте познать, что грех – мучителен. Пример – грехопадение прародителей.

Или возьмём примеры картёжника, курильщика, пьяницы, наркомана... Когда они делали свои первые ходы, затяжки, глотки, уколы разве они не мучились? Ещё как мучились, и душой, и телом мучились, п.ч. всё это противно, когда это делается в первый раз. Впрочем, и во второй раз, и в третий раз это противно, и всегда это мучительно-противно. Зачем же тогда это делается? Чтобы наслаждаться? Да, конечно, несколько минут грешник наслаждается, а потом часами, годами, десятилетиями мучается. Грешник сам себе создает ад уже в земной жизни.

Чем же в таком случае, загробный ад будет отличаться от ада прижизненного, земного? Тем, что там грешник не сможет удовлетворить своего страстного желания? Так учит профессор А.И.Осипов. Поскольку душа после смерти будет разлучена с телом, - говорит профессор, - постольку удовлетворить свою страсть посредством тела она не сможет, и поэтому будет мучиться.

Но на самом деле мучительно как раз удовлетворение страсти, п.ч. за ним неизбежно возникает новое желание, новое мучение без удовлетворения, опять удовлетворение, опять пожелание, опять мучение, и так далее. А не исполнить страстное желание это и значит

испытать мучение самоограничения, мучение крестное. Но это «мучение» и будет райском блаженством.

Итак, оставить своё желание без удовлетворения – это и значит сделать шаг к Богу. А там, где пожелания человека будут удовлетворяться, там и будет сущий ад. Потому что человек безграничен, как космос, и исполнить все его пожелания невозможно. Исполнение бесконечных желаний человека и будет бесконечным его мучением.

Тот ад, который рисует профессор Осипов, и в котором нет места удовлетворению греховных страстей, есть на самом деле место спасения, что-то вроде исправительно-трудовой колонии с вечным сроком заключения. Подлинный же ад там, где все пожелания человека будут удовлетворяться. И это так страшно, что и представить себе невозможно, как это страшно. Теперь я, надеюсь, исправился и внятнее объяснил, что мои слова о том, что «исполнение всех других желаний совершится в аду», нисколько не расходятся со словами святителя Феофана Затворника, преподобного Ефрема Сирина и других святых отцов о геенне, которые приводят в опровержение моих слов уважаемые оппоненты?

Слова об исполнении желаний нисколько не противоречат Евангелию. *И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день* (Ин.12:47,48).

Слова о мучениях, совершаемых через исполнение желаний, необычны. Но мне кажется, что эти слова позволяют лучше понять, как неразрывно соединяются в себе две диаметрально противоположных вещи – любовь Бога к твари и мучение этой твари, и как любовь Бога не только допускает адские мучения человека, но неизбежно приводит к ним. Как?

А вот так и приводит, что Богодарованная всем людям свобода воспламеняет в душе праведника, ищущего исполнение Божией, а не своей воли, ничем неутомляемый огонь Богоугождения, а в душе грешника, ищущего исполнение своей, а не Божией воли, воспламеняет ничем неутомляемый огонь самоугождения, который и становится огнём мучения.

Не Бог производит мучения, но сам человек превращает дарованную ему свободу в собственное мучение. Причём, как любовь Божия безгранична, так и свобода человека безгранична, но это значит, что и мучение человека тоже – безгранично.

Как любовь к Богу через самоотвержение – ненасыщаема, так и любовь к себе через самоугождение – ненасыщаема. Но первое «мучение» это блаженство райское, а второе мучение – «блаженство» геенское. И «блаженство», где исполняются все пожелания человеческие, страшно так, что ад, который рисует профессор Осипов, в сравнении с этой бездной, бесконечно разгорающейся по мере падения в неё, кажется уютным домиком с камином.

Помещая человека в место, где душа не может удовлетворить свои страсти, профессор лишает человека свободы. Но Бог не лишает человека свободы. Вот что на самом деле страшно – не ад, но безграничная свобода, которой одарён человек, и которую он волен употребить либо для своего бесконечного обожения, либо для своего бесконечного одьяволения. И заборы на этих путях невозможны. Ибо поставить забор перед бездной к диаволу, значит поставить забор и на пути к Богу. Вот как сильна невообразимая для нас любовь Божия, оборачивающаяся для некоторых людей, страшно сказать, бесконечным мучением.

НЕ СМОЖЕТ УДОВЛЕТВОРИТЬ НЕ В В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ НЕ СМОЖЕТ, А В ТОМ СМЫСЛЕ, ЧТО УДОВЛЕТВОРЯЯ ЕЁ (СТРАСТЬ) БУДЕТ ВСЁ БОЛЕЕ ЕЮ РАСПАЛЯТЬСЯ.

КАК ВСЁ РАВНО ПЫТАТЬСЯ НАПИТЬСЯ СОЛЁНОЙ ВОДОЙ. О ЧЁМ ГОВОРИТ АВВА ДОРОФЕЙ.

Но всё же я оставляю эти умствовования, п.ч. вижу, что занимаюсь оправданием Бога, т.е. хочу поставить нечто над Богом. Т.е. какую-то необходимость, которой Бог вынужден будет подчиниться, когда отправит грешников в ад.

Верно сказано в Апологете,

Нет, отрекаюсь от своих мудрований.

Особенно ясно стало, что Бог Самовластен и Самодержаен и волен Сам после слов свт. Василия Великого

Ну, хорошо. Нечем удовлетворить утолить страсти телесные.

Но ведь у беса тела нет. Как и почему он будет мучиться вечно? Потому что страсти могут быть не только телесные, но душевные и духовные.

Не научившись

душа будет учиться страстям духовным, будет уподобляться демонам. Вот о чём о хотел сказать – о бездне, буквально падении, которое не имеет дна

У них есть другого рода стратсти, которые не связаны с телом.

Но согласен с тем, что хотел подчинить.

Поэтому вызвавший нарекания абзац вычёркиваю

И благодарю за справедливые слова и равнодушие и отстаивание Православия.

По церковному преданию, с 3-го до 9-го дня душе умершего показываются райские обители, а с 9-го до 40-го дня – адские бездны. Шесть дней для созерцания райских кущ, и 31 день для знакомства с преисподней. Выходит, что последняя в пять раз пространнее рая, если времени для её осмотра нужно в пять раз больше? «Вольному воля, спасённому рай», - говорит пословица. Иными словами, хотений у человека много, а воля Божия – одна. Поэтому и мест, где душа могла бы жить в согласии с волей Божией, в пять раз меньше, чем мест для самовольного её пребывания. Поэтому не надо винить Бога и кого-либо ещё, говоря, что «хотел бы в рай, да грехи не пускают». Хотел бы в рай – давно бы там был. Но *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф.7:14).

Сорок последних дней своей жизни сердце человека трудится и ищет. Чего? *Тесный путь, вводяй в живот* (Мф.7:14)? Или исполнение желаний? А разве рай это не исполнение желаний? Нет, рай это исполнение единственного желания – жить по воле Божией.

Исполнение всех других желаний совершится в аду. Кто, чего хочет, тот того и получит именно там, в аду. Картёжник – карты. Чревоугодник – еду. Пьяница – пьянку. Блудник – блудниц. Скряга – золото. Телезритель – телеэкран...

Удивительно, как можно было назвать коммунизм земным раем? Сравнить коммунизм с раем могли только духовные слепцы, которые не понимали, что коммунистический лозунг «каждому по потребностям» есть в действительности лозунг ада, а не рая. Коммунизм это – земной ад. Его строили и продолжают строить те, кто хочет жить по-своему, а не по-Божьему.

ЭТОТ АБЗАЦ – ВЫЧЕРКНУТЬ!

Итак, 40-к последних дней усиленного сердечного труда. Всё, что копил в себе человек, все сокровища, что собирало его сердце, теперь открываются перед Богом. Впрочем, Богу эти сокровища известны без открывания. Их обнаруживает и с удивлением рассматривает сама душа. Так вот где, оказывается, было моё сокровище. Так вот, значит, что копило моё сердце, пока я занимался учёбой, работой, семьёй... Я думал, в сердце у меня то-то и то-то, а там, оказывается, совсем другое, поэтому влечёт меня к себе не ширь райских полей, но темнота адских комнат. *...где сокровища ваши, там и сердце ваше будет* (Лк.12:34). Да, теперь уже надолго, а может, даже навсегда останется душа человека среди тех сокровищ, которые выбрало его сердце, потому что поселяется она в той духовной обители, при виде которой сердце сказало: да, это моё, здесь останусь навечно.

Неужели это не сказки? Неужели мытарства, а именно о них мы сейчас говорим, не выдумки церковников? Что вам ответить, читатель? Если нет загробной жизни, если реально только то, что реально, тогда зачем вы заботитесь о каком-то душевном покое? Махните рукой на все эти выдумки, живите, как придётся. Устраивайте своё земное довольство, как оно устраивается, решайте все дела по-земному, не думайте ни о чём высоком, небесном, потустороннем. Плюньте. Но ведь вы не хотите на это плюнуть. Бойтесь? А вдруг «что-то есть»? Тогда живите по Божиим заповедям, то есть так, как учит Церковь, молитесь дома, ходите в храм каждый седьмой день, исповедуйтесь, причащайтесь... Но ведь вы и этого не хотите. Тогда чего же вы хотите? Сами не знаете? Ничего, придёт смерть, она вам покажет, чего вы на самом деле хотите. На мытарствах откроются наши сердечные сокровища. Ангелы или бесы откроют нам ту обитель, в которую мы сами поселимся, и ничего с собой сделать не сможем. Тогда мы себя уже не обманем. Тогда вся ложь нашей жизни откроется до конца.

IV

Итак, ничего противоречащего медицинским показаниям мы пока не нашли в словах святых отцов. Постойте, мы ведь медицину проверяем, а не отцов, поэтому должны сказать наоборот: ничего противоречащего святым отцам мы пока не видим в данных медицинской науки. Ну а то, что медики ни слова не говорят о сердце, называя образовавшийся в материнской утробе орган морулой, разве это не противоречие? Нет, не противоречие. Отцы и медики говорят об одном, но разными словами, просто надо уточнить значения слов.

Сказать о том, что в женской утробе в третий день от зачатия образуется сердце в том виде, в каком оно имеется у взрослого человека, не могли даже сказочники. Что же тогда отцы разумеют под сердцем? Жизнь души, ведение души, ум души... Всё это и возникает у человека в 3-й день его жизни. А что разумеют под морулой медики? Они, не видя в этой тёмной ягоде сердца, каким привыкли видеть его у взрослого человека, называют её морулой. Невидимое отцам видят медики, и невидимое медикам видят отцы, но говорят они об одном и том же. Непонятно? Приведём такой пример.

Некто, придя в больницу, просит: «Доктор, у меня что-то болит в области сердца, не могли бы вы посмотреть и удалить?» После анализов, рентгенограмм и прочих обследований доктор в недоумении сообщает: «У вас абсолютно здоровое сердце». «Но оно болит» - настаивает пациент. Тогда умный доктор отвечает: «У вас болит душа, а сердце у вас здорово».

Так и в нашем случае. Отцы называли сердцем душу, а медики называли сердце морулой, не противореча друг другу.

Сердце как телесный орган, и сердце какместилище души. Первое материально, второе духовно, первое видимо, второе невидимо. Скажем ли из-за этого, что в человеке находятся два разных сердца? Конечно, нет. Поэтому «кучка бластомеров, напоминающая по форме ягоду малины» это и есть сердце человека, о котором святые отцы говорят так: «*в третий бо день живописуется сердце*». Стало быть, в святоотеческих и медицинских знаниях о начале человеческой жизни пока нет разногласий. Может, они возникнут дальше? Хорошо, читаем дальше.

«У человека оплодотворение происходит в маточной трубе (яйцевоме). Процесс дробления совершается в течение 3-4 суток, когда зародыш продвигается по маточной трубе к матке. В результате дробления из поверхностных бластомеров формируется оболочка, участвующая в питании зародыша, - трофобласт. Центральные бластомеры образуют эмбриобласт, из которого развивается тело зародыша. В течение 4-6 суток зародыш находится в полости матки. С началом второй недели происходит погружение зародыша в стенку матки (имплантация). У 7,5-дневного зародыша эктодерма образует амниотический пузырек, часть которого, обращенная к энтодерме, является эктодермой зародыша».

Опять эти сжимающие уши термины и леденящие душу подробности. Но ради торжества отцовской правоты мы готовы их потерпеть. Напомним, что написанным в Синаксаре мы проверяем написанное в Медицинской энциклопедии. А лучше сказать, через простоту слов святых отцов убеждаемся в правоте того и другого. Прочтём ещё раз, что говорят отцы об этом круге человеческой жизни: «*В девятый же [день человек] составляется в плоть...*» И в энциклопедии о 9-м дне (точнее 7,5-м) сказано, что у «зародыша» в это время образуется эктодерма. Попросту говоря, это и есть тело. «Эктодерма – это наружный зародышевый листок, из которого в раннем утробном периоде развивается кожный эпителий, или эпидермис, и нервная система. Ту часть наружного зародышевого листка, которая идет на построение кожного эпителия, называют кожной эктодермой, а часть, образующую нервную систему, – нейроэктодермой». Не это ли самое мы прочли в синаксаре? Да, это же самое: в девятый день у человека возникает и растёт плоть.

Но почему границей третьего круга жизни отцы поставили 9-й день? Почему не 8-й, глубоко символический для христиан? Почему не 7-й и не 10-й? Для ответа на вопрос о сроках надо знать ответ на вопрос о целях. Иначе говоря, чтобы понять, почему отцы разделили начало и конец человеческой жизни на 3-й, 9-й и 40-й день, надо прежде понять: зачем она человеку дана? Зачем человек рождается? Зачем он умирает? Это главные вопросы бытия, и ответ на них человек ищет всю свою жизнь. Лучше же сказать, что жизнь для того и дана человеку, чтобы он ею ответил на эти вопросы. Не словами, но жизнью ответил.

Словесный ответ, который даёт Священное Писание и Церковное Предание о цели бытия, в самом кратком виде можно выразить так: наследование земли Обетованной. В Ветхом Завете такой землей была Палестина, в Новом завете ею является Небесное Царство. Далеко не все люди войдут в Небесное Царство, но только спасённые. А прочие куда? А прочим – воля, как говорит пословица, или огонь вечный, как говорит Господь: *идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его* (Мф.25:41). И поскольку Обетованную Землю спасённым людям предстоит наследовать с бесплотными небесными силами, которых Церковь подразделяет на 9-ть чинов, постольку было установлено поминовение усопших в 9-й день. «Девятины совершаем, /.../ просим Господа Бога, да преставльшагося душа, молитвами и

ходатайством девяти Ангельских Ликов, идеже суть Божии святии, вселится и упокоится, - по воскресении же и блаженства тех же Ангел и сожителства вкупе их да сподобится» (прот.Дьяченко).

В Ветхом завете для траура по умершим определялись 7-мь и 30-ть дней. ... и оплакивал Аарона весь дом Израилев тридцать дней (Чис.20:29). И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских [у Иордана близ Иерихона] тридцать дней (Втор.34:8). Плачь об умершем - семь дней, а о глупом и нечестивом - все дни жизни его (Сир.22:11). ...и взяли кости их, и погребли под дубом в Иависе, и постились семь дней (1Цар.31:13). Однако в Православном предании уже не седьмой и тридцатый, но девятый и сороковой дни отведены для сугубого плача по усопшим при неизменном третьем дне для обоих Заветов. Почему? Здесь, кстати, хочу обратить внимание любителей делать выводы из подсчёта цифр, что 7 относится к 30 так, как 9 к 40. Любопытное совпадение, не правда ли?

Но почему изменились сроки поминовения? Изменилась цель жизни? Нет, просто она стала ясней. *Приблизися бо Царство Небесное* (Мф.4:17), и Земля Обетованная стала видна так, что ангельские лики, которых видел патриарх Иаков в пророческом сне на лестнице (*ангели Божии восхождаху и низхождаху по ней* (Быт.28:12)) стали различимы даже по девяти чинам.

Царство приблизилось, а плач удлинился. Земля Обетованная почти видна, а скорбные дни по усопшим умножились с тридцати до сорока. Вас не озадачивает это обстоятельство, читатель? Вас, наверное, удивляет и то, что мы, говоря о рождении, вдруг заговорили о смерти, и с легкостью, как будто разницы между ними нет, перешли от разговора о первых днях жизни к первым дням смерти? Что нам сказать в своё оправдание? Мы размышляем по образу отцов и стараемся следовать их мыслям. Поскольку отцы после слов о смерти сразу же заговорили о рождении («*и рождения бо сице происходит*»), постольку мы от дней внутриутробных тут же перешли к дням могильным. И мы легко можем объяснить этот переход, но нелегко будет его понять неверующему человеку. В чём же состоит объяснение? В том, что смерть это и есть рождение.

V

Нелегко понять эти слова, не имея веры. Но, даже имея веру, их нелегко понять. Впрочем, разумом понять их просто, да вот сердцем принять тяжело. Почему? Потому что, если смерть это рождение, то дни поминовения усопших должны считаться не днями скорби, но днями радости. Здесь же причина того, почему они увеличились с тридцати до сорока. Потому что дни эти – радостны. Гм, над этими словами и верующий призадумается. Хотя о чём тут думать? Если смерть это рождение, то поминовение усопшего всегда радостно. Действительно, если бы имели веру с *горчичное зерно* (Мф.17:20), то торжествовали бы на похоронах и во все родительские субботы оттого, что усопшие приглашают живых радоваться вместе с ними. Как это и было у первых христиан, для которых дни поминовения мучеников, превращались в праздники.

В речи святителя Василия Великого на день святого мученика Варлаама читаем такие слова: «В прежние времена смерть святых чествовали сетованием и слезами. *Горько плакася* Иосиф об умершем Иакове (Быт.50:1); немало сетовали иудеи о кончине Моисеевой (Втор.38:4), и Самуила почтили многими слезами (1 Цар.25:1). А ныне ликуем при кончине преподобных, потому что естество скорбного изменилось после креста. Не плачем уже

сопровождает смерть святых, но в восторженных ликованиях веселимся при их гробах, потому что смерть для праведных – сон, вернее же сказать, – отшествие к лучшей жизни».

«Радоваться будем потом, если, Бог даст, спасёмся, а сейчас надо горевать о грехах, - скажет современный верующий и опять будет не прав. *Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день. Иисус сказал ей: Я есть воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Вериишь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир* (Ин.11:23-27).

Праведная Марфа это пример современного верующего. Да, Господи, я верую, что Лазарь воскреснет в последний день, и что Ты Христос, Сын Божий, но что Лазарь сейчас жив и живёт верою в Тебя... Трудно сказать. Но если это трудно сказать, значит трудно сказать, что есть вера. Т.е. не рассудочная вера, но та живая сердечная вера, которой мы спасены здесь, при жизни, а не когда-то там, после смерти, точнее сказать, которой избавлены от смерти навсегда. *Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин.5:24). Уже перешёл! *Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек* (Ин.8:51). Не увидит вовек!

Итак, в 9-й день смерти празднуем 9-й день рождения. В этот день душа покидает плоть. И как составила она в плоть в 9-й день от зачатия в материнской утробе, так покидает она во чреве матери-земли растекшееся тело, чтобы, не оставляя связи с ещё хранимым сердцем, показать ему мытарства. Теперь начинается для человека испытание веры. Была ли она в его сердце хотя бы *яко зерно горюшно* (Лк.17:6) или нет? Была или не была?

Значит, до 9-го дня связь души с телом сохраняется, как сохраняется она между душой и сердцем до 40-го дня? А потом она рвётся? Нет, связь души и тела не разорвётся никогда. Она ослабнет, она предельно истончится, она растворится, как дым, но не исчезнет, потому что по этой невидимой ниточке душа найдёт своё тело, когда придёт час Страшного Суда.

Вечную связь души и тела мы исповедуем, когда поклоняемся мощам Божиих угодников. Действительно, зачем мы почитаем останки святых, зачем целуем их прах, зачем полагаем мощи в драгоценные раки? Все эти действия нельзя понять, если отвергнуть посмертную связь души и тела. Казалось бы, тело сделало своё дело, дало святой душе войти в вечную жизнь, теперь его можно отбросить, как отбрасывается кокон выпорхнувшей бабочки, как отбрасывается послед родившегося младенца? Нет, не так нас учит Церковь. Тело не кокон и не послед, но неотъемлемая часть души, потому что оно возникло вместе с душой, а лучше сказать, душа возникла телом, и тело – душой в 9-й день жизни человека.

«Равным образом почитай (т.е. наряду с иконами и крестом. - Г.С.) и гробницы святых и какие-либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия, как и от поклоняемого тела Христова не отступало Божество во время животворящей Его смерти», - говорит святитель Григорий Палама (Добротолюбие, т.5, Десятословие по христианскому законоположению). Из слов святителя следует, что благодать Божия, как, впрочем, и нечисть бесовская, не отступают от тела человека после смерти. В этих же словах мы находим другое важное замечание о том, что мощи святых не обязательно должны составлять неистлевшее тело, но могут пребывать в виде «останков от костей», однако и в таком виде они должны почитаться верующими.

По церковному учению душа усопшего человека до 3-го дня обитает вблизи его тела. С 3-го по 9-й день душа вкупе с сожигательницей, лучше же сказать, с сонаследницею своею плотью

(которая находится при душе, конечно, не буквально, но как бы на привязи), осматривает в сопровождении ангелов райские обители. С 9-го по 40-й день душа усопшего теперь уже с одним сердцем, (поскольку «тогда все растичется здание»), которое, впрочем, можно назвать средоточием тела, знакомится с адом и его обитателями. Как растущий ребёнок познаёт окружающий мир, так душа, перейдя в духовный мир, постепенно открывает для себя его горизонты. Теперь мы поняли мысль отцов? Теперь нам понятен образ, которым они мыслят? Теперь мы сообразили, что к чему?

Обратите внимание на корень слова «сообразили». Мы его не зря сейчас написали. Дело в том, что рассуждать о невидимом можно только через образ. Помните, как однажды зрячий объяснил слепому, что такое белый цвет? Эту притчу можно прочесть в сборнике сказок, собранных В.И. Далем. «Объясни мне, что такое сметана», - просил слепой зрячего. «Она белая, как гусь». «А гусь какой»? «Гусь, как согнутая рука, вот потрогай мою руку». Слепец потрогал руку, которую зрячий согнул в виде гусяной головы и шеи. «Теперь понял, что такое сметана»? «Теперь понял».

Зрячий дал такой образ белого цвета слепому, который тот мог понять как угодно, только не так, как это хотелось зрячему, потому что согнутая рука может напомнить гуся только тем, кто его видел, а для слепых и образы нужно предлагать «слепые». Например, белый цвет это снег в руке, сперва холодно, а потом тает. Красный цвет обжигает (огонь). Зелёный это цвет лета, когда природа благоухает. Желтый цвет, когда солнце греет... Примерно так можно объяснить цвета слепому. Но нужны столетия проверок и уточнений, чтобы найти самые верные образы. Причём, для объяснений цветов как взаимосвязанной системы, нужна также система образов, а не разрозненные, взятые из разных областей знаний сравнения. Только так можно дать верное представление слепцу о том, что в принципе недоступно его пониманию.

Но что значит дать «верное представление»? Как узнать, верен или неверен предложенный нами образ белого цвета? «Снег» лучше «гуся» объясняет слепому белый цвет или хуже? Да, интересный вопрос. Попробуем на него ответить, начав с других вопросов. Что самое важное в образе? Для чего он создаётся? Для отклика и научения. Значит, тот предмет белого цвета, ощупывание или опробование которого на вкус или запах вызывает у большинства слепых одинаковый отклик, и может быть назван верным образом.

Верность образа выявляется после многократных проверок на одинаковость впечатления, которое он производит. Верность образа это и есть его каноничность. Церковный канон, то есть ограниченное количество образов, которые Церковь предлагает верующим для руководства и научения в духовной жизни, можно сравнить с физическими законами в познании природы. Поэтому говорить, что иконописный канон мешает творчеству иконописца, а Богослужебный канон мешает верующим приобщаться Святому Духу, это всё равно что говорить, что физика мешает познанию природы.

Корень слова «сообразать» - образ. Сообразать, значит мыслить, понимать, усваивать знания, но корень этого слова далёк от таких, связанных с мышлением слов как «ум», «разум», «дума», «смысл», «понимание»... Причём, «сообразительным» зовётся в русском языке не просто мыслящий, но быстро мыслящий человек, т.е. слово «сообразать» имеет усиленное значение в сравнении со словом «мыслить».

В каком другом языке у слов, выражающих действия ума, можно найти тождественный корень? *Cogito, ergo sum*. «Я мыслю, следовательно существую» (Р.Декарт). В латинском *cogito* мы видим ту же приставку *co-*, что и в русском «со-образать», но значение корня «*agito*»

(«двигать, направлять, гнать, управлять») расходится с русским словом «образ», которое является однокоренным со словом «обрез».

Дать образ, значит обрезать, отсечь всё незначительное и лишнее. Дать образ, значит научить главному. Дать образ, значит показать пример. «Образование» по-русски, «education» по-английски. И опять мы видим корень «образ» там, где в английском стоит латинский корень *disco* («водить, вести за собой, быть вождём, тянуть»). «Сообразать», «образовывать», «преобразаться (обрезать себя по-иному)» - какие остроумные русские слова! Причём, они открыты для самого широкого пользования, не нужно лезть в словари, чтобы доискаться их корней, как это приходится делать англоязычным людям, если они хотят глубже понять значение того же *education*. Необходимо только одно – внимательно вслушаться в звучание слова, и оно само научит правильному пониманию понятия, которое оно выражает. Это замечание относится к затронутому нами выше вопросу о том, как церковнославянская Псалтирь учит через слово. Так и учит, что слова имеют «разум» (А.С. Шишков), правда, до тех только пор, пока они не оторваны от корней, то есть пока носители языка видят и понимают корни слов.

VI

Теперь нам стал понятен образ, которым святые отцы хотят нас образовать? Смерть это рождение. И как рождение совершается не сразу, но подготавливается, так и умирает человек не сразу, но постепенно. И как до появления своего на свет он проходит несколько кругов развития, так после смертного часа, когда навечно закрываются его глаза для этого света, человек продолжает жить, потому что сердце хранится до сорокового дня.

Конечно, оно уже не бьётся, как живое, и не живёт в том смысле, как определяет жизнь медицинская наука, но оно ещё живо. Странные слова? Так ведь и в чреве матери человек не живёт в привычном смысле, однако дела и мысли неродившегося человека не менее значительны, чем дела и мысли рождённого, поскольку первый готовится совершить то, что определит жизнь второго. Почему же нам кажется, что человек в утробе ничего не делает и ни о чём не думает? Нет, он гораздо больше нашего делает, ведь ему предстоит родиться! Говорят, что трёхлетний ребёнок за один день своей жизни узнаёт столько, сколько взрослому человеку не узнать и за месяц. Так кто из них, спрашивается, сообразительней и умней?

Сердце не бьётся, но оно живо. Оно не созидает, но разлагает тело. Но разве от этого оно перестает трудиться? Конечно, ломать – не строить, ума большого не надо, но ведь и ломая, нужно прилагать усилие. Или вы думаете, что тело само собой растекается? Нет, его нужно правильно разложить на составы, постепенно разделить на части, тщательно смешать с землей то, что должно с ней смешаться, и отделить то, что останется нетленным... Кто всё это будет делать? Сорок дней после смерти сердце совершает эту работу по данной ему от Бога силе и повелению, и когда в 40-й день тело окончательно «растичется» (ибо в 9-й день растекается только «здание», то есть форма тела), тогда и сердце погибает.

Позвольте мне в завершение статьи ещё раз привести эту необыкновенную по красоте и исполненную глубокого смысла выдержку из Синаксаря: *«Третины убо творим, яко в третий день человек вида изменяется. Девятины, яко тогда все растичется здание, храниму сердцу единому. Четырдесятины же, яко и самое сердце тогда погибает. И рождения бо сице происходит: в третий бо день живописуется сердце, в девятый же составляется в плоть, в четырдесятый же в совершенный вид воображается. За сию вину душам память творим».*

В сороковой день погибает сердце, и поскольку оно может быть названо сосредоточием всего тела, постольку и самое тело в этот день погибает. Но ведь и при рождении человека происходит, что в 40-й день он «в совершенный вид воображается», или, как сказано об этом в Медицинской энциклопедии: «На 5-й неделе возникают зачатки рук, а затем и ног, на 6-й они разделяются на основные отделы, на 7-й появляются зачатки пальцев. В возрасте 8-ми недель зародыш приобретает основные морфологические признаки человека во внешнем облике и во внутренней организации. Длина его (от темени до копчика) 4 см., вес 4-5 грамм».

<http://www.medical-enc.ru/8/zarodysh.shtml>

Вообразите себе, читатель, этого человека и не говорите, что его не было в утробе матери до 8-ой недели. Если так, если до 40-го дня от зачатия он был зародышем и не был человеком, тогда и после смерти нужно хранить память о человеке только 40-к дней, потому что после сорокового дня тела в земле не обретается, но лежат одни кости. Иными словами, если до сорокового дня беременности называть зачатое во чреве эмбрионом и не считать человеком, то после сорокового дня смерти нужно называть лежащее в могиле прахом, гнилью, останками и прочими подобными словами, но только не человеком. А на могильном памятнике писать, что здесь похоронен не такой-то человек, но труп такого-то человека. И всем тем, кто решается на аборт, нужно быть последовательными до конца – освободить могилу от гнили после 40-го дня с момента захоронения и заполнять её новым трупом.

Итак, если в сороковой день от зачатия тело формируется, то в сороковой день после смерти тело распадается. Для чего это совершается? Для рождения человека в вечность. Сороковой день смерти это сороковой день рождения, поэтому и празднуем мы его усиленной молитвой к Богу за новорожденного, простите, за новопреставленного, что, в общем-то, одно и то же. Приставку «пре-» в слове «новопреставленный» можно написать с двумя буквами «е», тогда его значение станет очевидно, как, например, в слове «преступник» стоит только дописать вторую «е», как станет ясно, что этим словом назван пере-ступник закона. Новопреставленный это новопереставленный. Куда? От земли на небо.

Как красиво и стройно мыслят отцы! Какие яркие образы они нам предлагают, чтобы через видимое убедить в невидимом, чтобы даровать нам духовное зрение и научить нас умно проникать в иные миры. Впрочем, и без умного проникновения в потусторонние миры, мы можем многому научиться из этого образа Синаксаря. Соотнося круги рождения и смерти отдельного человека с жизнью общества, мы можем научиться пониманию происходящих в российской стране и в русском народе перемен. Конечно, мы не можем и не должны думать о точных датах: *не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян.1:7), но приближение их мы должны ощущать: *Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете.* (Мф.16:2,3). Действительно, если скорую смерть человека мы можем предположить, то почему не можем различить *знамений времен* в целом народе?

«Третины убо творим...», - написал я в заголовке. А, может, уже не третины, но девятины пора совершать над растекшимся телом Российского государства? Резкое изменение вида империи произошло в 1917 году, когда её тело покраснело от выступившей крови и красных знамён, хотя и оставалось ещё прочным. А нынче, может, пришёл срок девятин, когда мы видим, как распадается великое имперское здание?... *Девятины* [творим], *яко тогда все растичется здание, храниму сердцу единому.* Но сколько времени ему осталось храниться? Сколько дней нас отделяет от последнего сорокадневного рубежа, когда и самое сердце погибнет?..

Православные! Государственно-народное умирание не есть повод к унынию и отчаянию, поскольку нам, верным, доподлинно известно, что умирание человека ли, народа ли является по существу их рождением. Размышления, на которые нас подтолкнул Синаксарь, к тому и сводятся, что болезни смертные это родовые муки, а круги смерти это круги рождения. И если не из Синаксаря, то *от смоковницы научитесь притчи: егда уже ваия ея будут млада, и листвие прозябнет, ведите, яко близ есть жатва* (Мф.24:32).